

ДАЖЕ если вы не смотрели спектаклей Ленинградского академического Большого драматического театра имени Максима Горького — «Три сестры», «Не склонившие головы», «Ученик дьявола», «Король Генрих IV», «Гибель эскадры», «Метелица», «Третья стража» и других, где играет народный артист РСФСР Ефим Захарович Копелян, вы все равно его знаете. Знаете потому, что видели в кино. Список фильмов с его участием велик: «Пролог», «Как вас теперь называть?», «Неуловимые мстители», «Бабье царство», «Николай Бауман», «Все остается людям», «26 бакинских комиссаров», «Ошибка резидента», «Софья Перовская», «Время, вперед!..» Знаете, потому что слышали его голос в дублированных зарубежных фильмах или фильмах национальных киностудий страны. Наконец могли видеть его на телеэкране или в концерте.

— Театр, кино, телевидение... Не мешает ли столь широкий диапазон творчеству? — спрашиваю я Копеляна.

— Не думаю. Наоборот, чем разнообразнее актерский труд, тем он полезнее. Даже в дубляже, который некоторые мои коллеги считают нетворческой работой, есть своя польза. Мне, например, доставляет удовольствие дублировать таких актеров, как француз Мишель Симон, как наши мастера из прибалтийских республик. Тут удача зависит от того, сколько ты вносишь в «чужую» роль своего.

— Ушло ли в прошлое понятие актерского амплуа?

— Вопрос поставлен несколько категорично. Утверждать, что амплуа ушло, нельзя. С другой стороны, вопрос об узости актерского диапазона снимается современной драматургией, требующей универсализма. Теперь все другое — драматургия, театр, зрители.

Если в свое время представление о романтическом герое складывалось под влиянием таких актеров, как Юрьев, Мамонт Дальский, братья Адельгейм, Ваграм Папазян, то сегодняшнему театру их способ выражения, манера игры вряд ли подошли бы. Или взять такого замечательного актера, как Певцов. Он в свое время делал попытку сыграть Отелло, но потерпел неудачу. Не потому,

что был хуже других актеров, а потому, что царствовал другой стиль.

У нас на театре нет сейчас амплуа героя-любовника. Это даже комично звучит — «герой-любовник». Никто в наши дни страсти в ключья не рвет. Сейчас актер скрывает свои чувства, ведь и современные люди более сдержанны в выражении эмоций, их чувства отобранные и скупее...

— Когда говорят о современной манере игры, нередко называют име-

стера рождается от понимания того, что он хочет сказать людям. А без этого он просто ремесленник.

— Как актер ищет «краски», чтобы передать состояние своего героя?

— Мне кажется, актер специально не должен искать краски. Они приходят сами в процессе рождения роли. Только актер-ремесленник способен зазубривать роль. И не обязательно плакать настоящими слезами, чтобы передать горе. А вообще ни

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Ефим Копелян

на Жана Габена, Олега Жакова...

— Правильно! Я считаю, например, что Олег Жаков, а за его творчеством я слежу давно, — один из интереснейших актеров современности. Мне он близок по своему способу существования на экране. Думаю, что он мог бы с успехом играть в театре. В каждой его роли есть то недоказанное, о чем только догадываешься. То же самое могу сказать и о Жане Габене. Он весь, как сжатая пружина, готовая с большой силой распрямиться в любую минуту. Никогда он не выплескивает наружу все, что копил внутри.

— Актер, как и любой художник, учится у жизни. Но как именно, в какой форме?

— Это очень сложный вопрос. Мне кажется, ни один актер не мог бы сказать: я сыграл удачно именно потому, что прообразом для роли послужил тот или иной реально живущий человек. Образ, характер складываются из способности актера наблюдать жизнь и участвовать в жизни, от погруженности в мысли и чувства современников. Если художник равнодушен, он не сумеет сделать в искусстве ничего. Мысль зрелого ма-

канонов, ни рецептов здесь нет. Некоторые актеры в поисках красок идут от внешнего вида своих героев к внутреннему состоянию. Когда-то и я по молодости и неопытности грешил этим... А теперь я думаю, что правильное понимание приходит тогда, когда актер сам проживет внутреннюю жизнь своего героя.

— В кино вы снимались у режиссеров разных манер и стилей. Может ли в таком случае актер оставаться самим собой?

— Есть режиссеры, которые работают только со «своими» актерами. Они привыкают друг к другу, должно быть, так им легче найти взаимопонимание. Мне кажется, не надо бояться инкомыслящих. Споры полезны для искусства. К сожалению, взаимопонимание в кино бывает редко. Чаще актеры и режиссеры действуют каждый сам по себе. А на съемочной площадке, как и на сцене, нужен главнокомандующий. Иногда, говоря о фильме или спектакле, делят: «хорошая режиссура» и «хорошая игра». Я этого не понимаю. В хорошем спектакле или фильме одно неотделимо от другого. И неважно, кто в ком «умер» — режиссер в

актере или актер в режиссере. Важно, чтобы в конце концов получилось настоящее произведение искусства.

— Какие чувства возникают у вас, когда вы видите себя на экране?

— Чаще — чувство горечи, досады. Каждый раз ощущение одно — вот бы переделать! Но переделать уже ничего нельзя... Хотя я много снимаюсь в кино, театр остается моей первой и потому, вероятно, самой сильной любовью. Здесь, когда я выхожу на сцену и остаюсь один на один со зрителем, я сам себе хозяин. Если меня или зрителя что-то не устраивает в моей игре, могу сразу исправить. А в кино — что сделано, это уже навсегда, изменить невозможно.

— В театре вы играете Вершинина в «Трех сестрах», снимались в роли Свидригайлова в фильме «Преступление и наказание»... Каким образом актеру удается быть современным, играя классические роли?

— Безусловно, актер может играть роль человека средневековья или даже Древней Греции и быть современным. Для этого важно пробиться к мысли и чувству сегодняшних зрителей. Современность — не есть модернизация. Можно даже одеть Гамлета во фрак — это будет всего лишь мода, которая, как известно, проходит. Мне кажется, современная игра предполагает погружение в мысли и чувства автора и одновременно в мысли и чувства зрителей. Нужно для этого найти метод, когда, отбросив шелуху псевдодоводов, художник выявляет суть вещи. Бывает, смотришь спектакль — пусть совсем не современная пьеса — и радуешься: вот современный художник! А иной раз перед тобой спектакль, где герои ходят в «мини» или «макси», а современного-то ничего и нет. Невольно вспоминается тогда сказка Андерсена о голом короле...

— Есть ли такая роль, о которой вы давно мечтаете?

— Знаете, многие роли, о которых я мечтал, ушли с возрастом, другие где-то живут подспудно. Что бы я хотел сыграть? Трудно ответить на этот вопрос. Поживем — увидим. Могу только сказать, что снимаюсь сейчас в Минске, Киеве и Ленинграде. Разные фильмы, разные роли...

Беседу вел К. ЛЯСКО.